

Доктор Кнут Хайм, Притчи, Лекция 17, Притчи 30:1-9 Авгур

© 2024 Кнут Хайм и Тед Хильдебрандт

Это доктор Кнут Хайм и его учение по книге Притчей. Это сеанс номер 17, глава 30 Притчей, стихи с 1 по 9, введение в Агор.

Добро пожаловать на урок 17 библейской книги Притчей.

Вот сейчас мы рассмотрим 30-ю главу книги Притчей. Это предпоследняя глава. И для большинства из нас, включая меня самого, даже сейчас, когда я читаю здесь эту лекцию, она является самой загадочной во многих смыслах из всех глав этой фантастической, удивительной и захватывающей книги.

Причина, по которой эта глава настолько загадочна, заключается в том, что, прежде всего, в первом стихе мы сталкиваемся с новым персонажем, который является автором, по крайней мере, так нам сказано в первом стихе, автором всей этой главы. Но даже когда нам рассказывают об этом, мы очень быстро понимаем, читая дальше, что первые девять стихов представляют собой своего рода связный раздел, тогда как стихи с 10 по 31 состоят из ряда очень интересных групп категорий, высказывания о различных аспектах жизни, которые кажутся совершенно бессвязными. Я попытаюсь посмотреть, сможем ли мы найти здесь некоторую связность, но даже когда я делаю это на этой лекции, в глубине моей головы возникает неприятная мысль, которая заставляет меня задаться вопросом, не пытаюсь ли я просто навязать внутреннюю согласованность между разными частями из-за типичного западного философского мышления, к которому я принадлежу, конечно, как европеец, который любит навязывать структуру и последовательность, даже когда таковых нет. Итак, давайте посмотрим, к чему мы придем, но я хочу, прежде всего, прочитать вам первые два стиха этой главы, и сначала я прочитаю их из Новой Пересмотренной Стандартной Версии, затем я прочитаю их из Нового Интернационала. Версия, а затем я вернусь к новой исправленной стандартной версии, которую лично я предпочитаю.

Но есть причина, по которой я прочитал обе эти книги, и я объясню ее через мгновение. Итак, поехали. Сам заголовок представляет собой слова Агура, сына Якеля, оракула.

И тут начинается оракул. Так говорит человек: «Я устал, о Боже, я устал, о Боже, как мне победить?» Просто задержите это на мгновение. Сейчас я собираюсь прочитать Новую международную версию.

Высказывания Агура, сына Иакеля, вдохновенное высказывание. Слова этого человека Этиэлю. Вы видите разницу между ними? Позвольте мне еще раз прочитать вам из NRSV.

Слова Агура, сына Иакеля, оракула. В НРВ для оракула говорится о невдохновенном произнесении. Это своего рода перефразирование более или менее того же самого, как мы вскоре увидим.

Но следующая фраза совсем другая. Так говорит человек: «Я устал, о Боже, я устал, о Боже, как мне победить?» Тогда как в NRV говорится о высказываниях этого человека Этиэлю. А еще фраза: «Я устал, Боже, но я могу победить».

Что здесь происходит? Если мы верим, что Священное Писание вдохновлено Богом, и если мы следуем одному из величайших лозунгов Реформации — *claritas scripturae*, ясности Священного Писания, то почему два самых лучших современных английских перевода, которые у нас есть, настолько различны? Это, конечно, один из аргументов, который часто выдвигают верующие мусульмане, чей Коран во многих отношениях гораздо более прямолинеен, и у нас нет тех проблем, которые часто с этим связаны. Конечно, в духовности Корана ислама Коран не полагается переводить, а всегда читать в оригинале. Итак, оригинал NRV и NRSV один и тот же, но интерпретация разная.

И как только у нас есть его перевод, получается, что у нас есть две разные версии одного и того же. Нет, у нас нет двух разных версий. У нас есть два разных перевода одной и той же версии.

Но как же тогда это происходит? Что ж, это одна из причин, почему я сказал ранее, что это одна из самых загадочных, самых необычных частей Книги Притчей. И на самом деле все сводится к сложности и неопределенности того, что говорит сам текст на иврите. В этой лекции я не могу вдаваться во все детали самого иврита, а если бы я это сделал, то, вероятно, это было бы довольно утомительно и очень, очень подробно.

Но просто сказать, что слова на иврите весьма необычны, они очень редки, а также грамматическая и синтаксическая конструкция, особенно первой строки первого стиха, которая либо переводится как высказывание этого человека Этиэлю, либо так говорит мужчина, я устал, о Боже. Бит Бога в NRSV отражает Иль Этиэля в NRV. И мы просто не знаем, кто такой Этиэль.

NRV предполагает, что Этиэль на самом деле является личным именем человека, имя которого не упоминается ни в Священных Писаниях, ни где-либо еще. Это тоже необычное имя. Тогда как НРСВ считает, что это может быть сложное существительное, а точнее два разных существительных, которые находятся близко друг к другу и писались вместе, но должны читаться отдельно.

И вот, они разделяют Этиэль, Эт и эль, а Эт — это что-то вроде усталости, моя усталость, а эль — это Бог. Следовательно, у нас другой перевод. Итак, как это происходит? Ну, мы на самом деле не знаем, потому что нас там не было.

Но теперь я хочу сказать кое-что о личности Агура, сына Джаки. И опять же, мы действительно не знаем, кто этот человек. Подобные имена есть в Месопотамии и других местах за пределами Израиля.

И поэтому некоторые предполагают, что Агур на самом деле был иностранцем. Этнически говоря, неизраильтянин. Однако, как мы вскоре увидим, его богословие полностью израильское.

Так был ли он израильтянином с очень необычным именем, в том числе необычным и имя его отца? Или он был иностранцем, который, возможно, обратился в веру древнего Израиля? А верен ли второй вариант, мы, конечно, знать не можем, но я склоняюсь ко второму варианту, хотя это, конечно, не более чем обоснованные догадки. Но если бы он был иностранцем, пришедшим к вере в Бога Израилева и сейчас вносящим философское, квазифилософское размышление, возможно, отчасти, ну, явно отчасти, на опыте своей жизни как иностранца с новой верой, то это может быть возможно, объясните, почему вступительные слова в разделах, а также некоторые последующие слова в главе такие трудные и необычные. Возможно, на самом деле необычность этого языка заключается в том, что иврит является его вторым языком, а не родным.

Это может объяснить некоторые особенности необычности того, что Агур делится здесь в своих размышлениях. Как бы то ни было, возникает следующий вопрос: здесь, к счастью, NRSV и NIV более или менее согласны. NRSV говорит, что слова, которые мы собираемся читать и говорить, являются оракулом, тогда как NIV говорит, что это вдохновенное высказывание.

Теперь к оракулам часто обращаются, когда речь идет о проповедях или коротких поэтических размышлениях пророков Израиля. Так, некоторые высказывания Исаии, например, в книге Исайи, называются масах, что обычно переводится как оракул, как здесь, в НРСВ. И первая строка, в которой говорится: слова Агура, сына Яке, оракула, тогда будет масах, слово масах, тогда объяснит слова Агура как определенный тип высказывания или сообщения, а именно, как NIV делает оно более ясное, вдохновенное высказывание, подобное пророку.

Однако причина, по которой NIV говорит о вдохновенном изречении, а не о прямом пророчестве, заключается в том, что обычно, когда у нас есть пророчества у пророков, эти оракулы в основном, не исключительно, но в

значительной степени записывают в прямой речи сами слова Бога. Тогда как в последующих рассуждениях Агура лишь очень немного, если вообще что-либо, можно приписать словам Божиим. И мы подойдем к этому через минуту, когда посмотрим на стих 4. Но на данный момент причина, по которой NIV, вероятно, имеет хороший способ объяснить, что происходит, заключается в том, что у нас есть один пример во 2 Царств 23, где Давид в своем Последних словах незадолго до смерти рассказывает о своих размышлениях о своем жизненном пути и библиографии, в которой он описывает себя как человека, мужчину, в этом очень похожем выражении, а затем говорит, что сейчас он собирается дать масах, оракула, возможно, похожий на Агура.

И то, что мы тогда имеем, на самом деле является благодарным размышлением Давида о его жизненном пути под Богом и Его благословением. Таким образом, похоже, что в этом случае и в случае Давида оракул действительно относится к вдохновенному высказыванию в том смысле, что оно имеет отношение к Богу. Это богословское размышление.

Но это не так, хотя оно и претендует на богодухновенность, оно не обязательно должно состоять полностью или хотя бы в значительной степени из божественной речи. Несмотря на все это, чтобы еще больше усложнить ситуацию, на самом деле недалеко от Израиля есть топоним, который называется Масах. И мы уже упоминали, что имена и Агур, и Джейк записаны как иностранные имена.

Так что, конечно, это тоже может быть так, и некоторые английские переводы и другие переводы отражают это, что на самом деле во вступительном введении говорится слова Агура, сына Иака, из Масаха, из области Масаха. Вы понимаете, насколько все это сложно? Разве это проблема? Что ж, это проблема для таких людей, как я, потому что нам нужно попытаться понять, что все это значит. В конечном счете, я думаю, мало что можно выиграть или потерять, пытаясь найти абсолютную истину о том, что это на самом деле означает.

Потому что действительно важно то, что последующее явно включено в Священные Писания и, следовательно, является вдохновенным высказыванием. И независимо от того, сделано ли это кем-то из Масаха или нам говорят, что это действительно вдохновенное высказывание, на самом деле это не меняет ни важности, ни значимости, ни правдивости того, что затем записывается в следующих стихах. Несмотря на все это, это столь сложное и трудное для понимания начало вполне могло способствовать тому, что эта глава, вероятно, является одной из наиболее игнорируемых или недостаточно изученных глав в библейской книге Притчей.

Есть и другие причины, к которым мы подойдем через минуту, но это одна из них. Итак, только что немного расчистив путь через довольно неясное начало

этой гонки, я хочу мягко и осторожно предположить, что то, что мы, возможно, имеем здесь, является вкладом в Библию изначально неизраильянина, пришедшего к вере. в Боге Израиля и теперь, вероятно, ближе к концу своей жизни, подобно Давиду, размышляет о своей библиографии, о своем путешествии. Он делает это очень, очень кратко, даже более кратко, чем Давид.

А что касается Давида, конечно, у нас есть целая длинная библиография в 1 и 2 Царств. Из Арго у нас есть только эти несколько стихов. Теперь мы переходим к остальной части стиха 1, а также к стихам 2 и 3, потому что сейчас Арго дает нам представление о том, что он думает о себе.

Это почти как дневниковая запись. Это очень честно. Он очень самокритичен и почти доходит до ненависти к себе.

Делаются удивительно резкие заявления, которые сами по себе кажутся довольно резкими, крайними и, возможно, даже нездоровыми. То, что я предложу через несколько минут, как только мы посмотрим, что он на самом деле здесь говорит, мы попытаемся поместить то, что он говорит здесь, в более широкую структуру первых девяти стихов, потому что это только на фоне из стихов с 4 по 9, я думаю, мы сможем начать понимать, почему Арго говорит здесь о себе таким самоотрицающим тоном. Для этого есть риторическая причина, которую я раскрою через минуту.

Вот так. Вот что говорит о себе Арго. Я читал новую исправленную стандартную версию.

Прежде всего, говорит он, я устал, Боже, как мне победить? Это, прежде всего, обращение к Богу. Это формулируется в контексте молитвы. Я устал, о Боже, как мне победить? Этот вопрос, как мне победить, может быть задан в конце, ближе к концу его жизни, когда он настолько стар и немощен, что просто чувствует, что жизнь его подходит к концу.

Вопрос о том, как мне победить, на самом деле является вопросом о том, сколько мне еще осталось жить? Если он не подходит к концу своей жизни, и опять же, это всего лишь обоснованное предположение, потому что мы проводим параллель с аналогичным заявлением Дэвида в конце жизни Дэвида, тогда, если он моложе, более здоров и надеется прожить дольше, тогда дело больше в том, что он измучился из-за какого-то кризиса, и он теперь спрашивает Бога, как мне справиться с теми проблемами, с которыми я столкнулся? И опять же, мы не можем точно знать, какова ситуация. Я предположу, хотя многие из причин, которые я уже упомянул, указывают на тот факт, что он говорит в конце своей жизни, и на самом деле это звучит именно так, тем не менее, дальнейшее, как мы вскоре увидим, это кажется, что Агур просит Бога помочь ему таким образом, что можно предположить, что он, Агур, ожидает еще много

лет жизни, прежде чем умрет. Итак, опять же, мы сами текстом разрываемся в разные стороны, нас направляют в разные стороны, и мы не можем этого знать.

Но для меня на самом деле убедительным является то, что Агур говорит о том, чего он просит у Бога, а это предполагает, что конец его жизни еще не близок. Я покажу это через мгновение. Итак, но что он говорит? Он говорит, что он не только устал, устал, находится в стрессе, может быть, обескуражен, но в своей молитве, которую он приносит Богу, он продолжает говорить: «Конечно, я слишком глуп, чтобы быть человеком».

У меня нет человеческого понимания. И затем в третьем стихе: «Я не научился мудрости и не познал ни Святого, ни Святых». О чем все это? Итак, если мы суммируем в одном предложении эти стихи, эти признания Агура, которые он делает, он, по сути, говорит, что он настолько глуп, что даже не так умен, как человек, и он также подчеркивает, что у него мало религиозности. знание.

Мы вернемся к этому через мгновение. Это действительно удивительная вещь, которая читается в самом конце сборника, посвященного знаниям и мудрости. Внезапно в конце книги, посвященной приобретению мудрости и знаний, появляется этот странный персонаж.

И этот человек, теперь в своем вдохновенном высказывании, в отчаянии, говорит: «Я слишком глуп, чтобы меня можно было считать человеком в отношении моего интеллекта, и я понятия не имею о религиозных вопросах. Кажется, именно это и происходит. Теперь, если мы просто прочитаем это за чистую монету и воспримем это буквально, и не пытаемся интерпретировать это каким-либо образом, у нас сложится единственное впечатление, что этот парень явно страдает от какой-то депрессии и ненависти к себе, и что он преувеличивает.

Однако, если мы продолжим читать с воображением, как я предлагал на протяжении всей этой серии лекций, гораздо более вероятно, что то, что делает наш Гуру в своей молитве, помните, что он начинает с обращения к Богу, и это часть его молитвы. , что он преувеличенно говорит Богу: «Боже, я знаю свои интеллектуальные ограничения». Я очень остро это осознаю и именно поэтому говорю с вами, потому что хочу, чтобы вы мне помогли, как мы вскоре увидим. Итак, если хотите, это своего рода преувеличенное смирение, которое он выражает здесь, чтобы побудить Бога милостиво помочь ему преодолеть его нынешнее невежество.

Почти на уровне знаменитых фраз Сократа, который говорил: «Я знаю, что ничего не знаю», а чтобы это знать, нужно знать очень много. Это своего рода мой современный парафраз Сократа. Думаю , именно такое смирение Аргу выражает и здесь.

Он обладает глубиной познания мира и Бога, что помогает ему увидеть, как мало он знает как о мире, так и о Боге. И это то, что он выражает в довольно преувеличенной, самоотрицающей манере, я полагаю, чтобы побудить Бога пожалеть его и даровать ему новое откровение или новые идеи, которые помогут ему справиться с ситуацией. с нынешним кризисом. И последнее, что касается этого раздела: согласно Новой пересмотренной стандартной версии, Арго говорит: «Я не знаю святых», тогда как в NIV говорится: «Я не достиг познания святых».

И если бы мы обратились к нескольким другим переводам на английский, немецкий, французский или испанский язык, мы также наткнулись бы на перевод, в котором говорилось бы: «Я не знаю святых вещей». Почему это? Что ж, опять же, мы имеем дело с поэзией, а поэзия часто недоопределена, использует специальный язык и использует особые виды грамматических и синтаксических форм, которые затем делают ее многовалентной и могут иметь три разных типа значений. Так вот в чем дело, и именно поэтому мы видим отражение этого в разных переводах Библии: незнание святого можно интерпретировать тремя разными способами.

Святые вещи, святыне, как святыне сверхъестественные существа, такие как ангелы или другие божества, и, в-третьих, конечно, святой, а именно Бог Израиля. Теперь, я думаю, это, конечно, одна из вещей, которые я подчеркивал на протяжении всей этой серии лекций, читая творчески, вероятно, лучшим возможным переводом было бы переводить, у меня нет знаний о святых вещах или, возможно, о святых делах. , который достаточно широк, чтобы включать все три возможных интерпретации, так что английский перевод отражает многовалентность, три возможных значения, которые выражает здесь Арге. Я религиозно невежественен.

Вот что он говорит. Это, конечно, не значит, что он ничего не знает. Это означает, что он знает, что в небесных местах существуют тайны, о которых он еще не знает, но жаждет узнать о них больше.

И снова, когда я пытаюсь избежать принятия здесь интерпретативного, экзегетического решения, я не пытаюсь уклониться от тяжелой экзегетической работы, а, скорее, в конце моей тяжелой экзегетической работы я хочу сказать, что эта двусмысленность умышленна. . Это намеренная двусмысленность, призванная создать избыток смысла и выразить все три из них одновременно. Но опять же, это одна из причин, почему другие, большинство других, которые не совсем следуют моей линии творческой интерпретации, говорят, что это проблемный текст, потому что как мы можем знать, что означает Арге? Ну, я говорю, он имеет в виду все это.

И тем самым я решаю то, что другие люди на жаргоне библеистов называют экзегетической сутью, неразрешимой проблемой. Ну вот мы и здесь. Я решил это.

И причина, по которой я смеюсь, конечно же, в том, что я делаю довольно смелое заявление, выступая как бы от имени меньшинства среди очень уважаемых, очень способных ученых, которые думают иначе, чем я. Так что даже когда я говорю это, и хотя я считаю, что я прав, я хочу также сделать это, даже если я делаю это смело, делать это с чувством смирения, понимая, что, конечно, я могу ошибаться. Я оставляю вам судить.

Итак, вот мы и в его молитве. Агур говорит: я ничего не знаю перед Богом, и я устал. Как я могу победить? Помогите мне победить.

И затем мы добираемся до четвертого стиха, и четвертый стих открывает последовательность из пяти или шести, я думаю, это пять вопросов, все один за другим, и они влетают, как пулемет, как лесной пожар, в этот дискурс, в этот диалог. между Агуром и его Богом. И сразу возникает один из вопросов: кто задает вопросы? Давай выясним. Итак, стих 3 заканчивается словами Агве: «Я не знаю религиозных вещей».

А потом приходят вопросы. Кто вознесся на небо и спустился? Кто собрал ветер в ладонях? Кто завернул воду в одежду? Кто утвердил все концы земли? Как зовут человека? А как зовут ребенка этого человека? Что? Мы снова растеряны и думаем: что здесь происходит? Первое, что нам нужно, через минуту мы поговорим о содержании этих вопросов и о том, что они на самом деле задают. Но для начала, я думаю, нужно поставить вопрос, кто здесь выступает? Самым естественным, конечно, было бы предположить, что это все еще говорит Аг.

Итак, Агур только что сказал: «Я ничего не знаю», и теперь он задает вопросы, чтобы узнать больше. Давайте просто посмотрим, вписываются ли в этот сценарий вопросы, которые здесь задаются. Кто вознесся на небо и спустился? Кто собрал ветер в ладонях? Кто завернул воду в одежду? Кто утвердил все концы земли? Как зовут человека? А как зовут ребенка этого человека? Действительно ли это похоже на те вопросы, которые задавал бы Агве? Я хочу доказать, что это не так.

Потому что на одном уровне ответ на вопросы фактически подразумевается в самой манере постановки вопросов. Я собираюсь дать вам одно-два слова ответа на каждый из этих вопросов. И как только я это скажу, вы скажете: да, конечно.

Потому что сам вопрос подразумевает ответ. Вот так. Кто вознесся на небо и спустился? Бог.

Кто собрал ветер в ладонях? Бог. Кто завернул воду в одежду? Бог. Кто утвердил все концы земли? Бог.

Как зовут человека? Господь. Последний вопрос немного сложнее. А как зовут ребенка этого человека? Ну, если вы христианин, вы бы сказали «Иисус Христос».

Если бы вы еврей, вы бы сказали: это странно. Итак, я утверждаю, что перед нами стоит последовательность риторических вопросов. И они быстро стреляют.

Бум, бум, бум, бум, бум. И поскольку это молитва, а молитва обычно, даже если она не всегда выражена явно, представляет собой диалог между верующим и его Богом, вполне возможно, что говорящий здесь не Агур, а Бог, отвечающий, иронически отвечающий, Агур, а не не давая ему ответов, а задавая дополнительные вопросы. И когда мы размышляем над этой последовательностью быстрых вопросов, нам на самом деле вспоминается еще одна последовательность быстрых вопросов в библейской литературе, где Бог делает именно такие вещи с другим мудрецом, который находится в беде и близок к смерти.

И это Иов. В главах с 38 по 42 книги Иова у нас есть буквально сотни вопросов. Я не шучу, сотни вопросов, большинство из которых очень похожи.

Где вы были, когда я создал землю и так далее? Итак, я представляю здесь дело, чтобы сказать, что эти быстрые вопросы, которые приходят сюда, являются ответами Бога на слова Агура, что вы только что признались, что не знаете о религиозных вещах, и я согласен. Но я хочу, чтобы вы знали, что я, Бог, главный. Я знаю, что делаю.

Итак, что вам нужно сделать, так это положиться на меня и только на меня, а не на какие-то знания или недостаток знаний, которые у вас есть. Не будьте настолько эгоцентричными и сосредоточенными на своем кризисе или проблеме, с которыми вы сталкиваетесь, а поделитесь своими проблемами со мной. Я думаю, что это риторический диалог между Богом и Агуром.

Итак, Агур пытается привлечь Бога на свою сторону и сказать: «Боже, помоги мне в этой ситуации», и, вероятно, предполагает, что изменит ситуацию или поможет мне действительно понять, как я могу справиться с этой ситуацией. И тогда Бог отвечает на это и говорит: «Ты не справишься с этим». Позвольте мне разобраться с этим.

Тебе нужно сосредоточиться на мне, а не на ситуации. Вам не нужно сосредотачиваться, вы не должны сосредотачиваться на недостатке знаний или

пытаться думать, что выход из ситуации заключается в том, чтобы я передал вам больше фактических знаний о конкретном кризисе, с которым вы столкнулись. Скорее, Бог говорит Агуру: положишься на меня, и я во всем разберусь.

Это моя интерпретация. И опять же, есть и другие интерпретации, но, опять же, я думаю, что это творческая интерпретация, которая соответствует тому, что мы на самом деле здесь находим, и, кажется, имеет смысл в целом как для отдельных утверждений, так и для более широкой перспективы. Что остается загадочным, особенно в то время, когда это было написано, так это вопрос о том, является ли ответом на все это Бог, тогда последний вопрос, как зовут человека, с христианской точки зрения очень хорошо подходит.

С точки зрения древнего Израиля, это не так. Итак, в этой интерпретации одна из проблем и единственное, что я, вероятно, пока не могу уловить, заключается в том, что это за вопрос? Сейчас я попытаюсь объяснить это, но, даже продолжая работать над книгой Притчей, я понимаю, что мне нужно проделать еще немного работы, прежде чем я смогу быть более уверенным в том, что это объяснение выдерживает критику. И дело в том, что последнее утверждение о том, как зовут ребенка человека, снова похоже на другие вопросы, которые являются риторическими вопросами, предполагающими ответ: Бог, Бог, Бог, Бог, Бог.

Здесь это тоже риторический вопрос, но он предполагает другой ответ. Вместо ответа, имя - Иисус, или имя - другой второстепенный Бог, или сын какого-то божества или что-то в этом роде, скорее подразумеваемый ответ: никто не знает, никто не может знать, и это не имеет значения. Это мой взгляд на это, но я знаю, что мне нужно еще немного поработать над этим.

Этот шквал вопросов заканчивается заявлением, вы наверняка это знаете. Итак, вот теперь снова кто-то обращается к кому-то другому, и я утверждаю, что это Бог обращается к Агуру. И это, конечно, вы знаете, именно то, что Бог делает с Иовом в конце всех этих вопросов, которые являются риторическими вопросами, на которые Иов не может ответить, и в конце всего этого, когда Бог задал Иову все эти вопросы о как была создана Вселенная, или как следует приручить крокодилов и гиппопотамов, и все эти удивительные вопросы, затем Бог как бы втирает их и говорит Иову: ты наверняка знаешь ответ, давай тогда.

И конечно это полнейший сарказм. И именно это, я думаю, и происходит здесь сейчас. Бог говорит Агуру: ты, конечно, знаешь, а ты, конечно, нет, и я знаю это, и ты это знаешь, и я знаю, что ты это знаешь, и ты знаешь, что я это знаю.

Теперь нам ясно, что вы собираетесь делать. То есть, я думаю, какое здесь взаимодействие в этом диалоге? И здесь мы видим, что это не дружеская, нежная беседа между бедным Агуром и его нежным, любящим Богом.

Это серьезное противостояние двух взрослых людей. Взрослый на небесах и взрослый на земле, которому трут нос в пыль. В конце концов, Агур продолжает.

И сейчас я прочитаю следующие два стиха. Потому что, я считаю, они являются первым ответом Агура на то, что он только что услышал, слова Бога, которые он только что услышал. И вот что он говорит в пятом стихе: «Каждое слово Божье оказывается истинным».

Он — щит для тех, кто укрывается в нем. Вы видите, что только что произошло? Агур, вместо того, чтобы волноваться, паниковать и убегать от Бога из-за того, что Бог поставил его перед всеми этими вопросами, прямо отвечает, или так кажется, с верной мудростью. Он говорит: «Каждое слово Бога оказывается правдой».

В контексте, если я прав, и стих 4 — это все вопросы, слова Бога к нему, то то, что говорит Агур, я понимаю. Я понимаю, что ты мне только что сказал. Каждое слово, сказанное мне, оказывается правдой.

Я вижу это сейчас. И тогда он отвечает именно так, как я предложил. Бог хочет, чтобы он ответил.

Помните, я сказал, что влияние вопросов таково: не сосредотачивайтесь так сильно на своем собственном понимании или его отсутствии, а сосредоточьтесь на мне. Я разберусь с этим. И посмотрите, что здесь говорит Агур.

Каждое слово Бога оказывается истинным. Он — щит для тех, кто укрывается в нем. Бум.

Агур понял. Он понимает, что ему нужно положиться на своего Бога, чтобы преодолеть любой кризис, с которым он сталкивается. И затем стих 6. Не прибавляйте к его словам, иначе он упрекнет вас, и вы окажетесь лжецом.

И здесь мы имеем второе размышление Агура, касающееся божественного откровения. В каком-то смысле это очень похоже на финал книги Экклезиаста, где последний редактор, комментирующий учения Экклезиаста в книге, говорит, что помимо этих вопросов, сосредоточьтесь на этих словах Экклезиаста, а не на других вещах из-за создания Книгам нет конца, и много исследований там, где находится тело. У нас также есть много других утверждений, как в Библии, например, в Откровении, в которых говорится, что ничего не отнимайте и не добавляйте ничего к этому откровению от Бога.

В книге Второзаконие в конце откровения Торы есть несколько подобных утверждений. Более того, у нас есть много подобных высказываний в

религиозных писаниях древнего Ближнего Востока за пределами Израиля. Поэтому религиозные тексты часто сопровождаются утверждениями, которые ничего к ним не добавляют, ничего от них не отнимают, принимают такими, какие они есть, и не приспособливают их.

Тогда здесь возникает вопрос, когда мы находим в конце этой книги человека, который явно обладает некоторой мудростью, который разговаривает с Богом, который вдохновлен тем, что он говорит, если этот человек как бы подчеркивает свое невежество, получая Божественное откровение заключается не в том, что я даю вам больше информации, или больше знаний, или больше мудрости, а скорее, я помогаю вам полагаться на меня, Бога, а не на свои знания. И затем этот человек говорит, что к слову или словам Бога нельзя добавлять никакие слова. Тогда мне кажется, что мы имеем очень важное, как бы это сказать, дополнительное утверждение ко всему остальному, что говорится о мудрости в книге Притчей до сих пор.

До сих пор, с главы 1 по главу 29, все было посвящено молодым мужчинам, и книга была адресована в то время исключительно или в основном мужчинам. В наши дни, конечно, мы хотим сказать: молодой человек, молодая женщина. Если вы приобретете больше знаний и мудрости, вы добьетесь успеха.

Но в конце, ближе к концу книги, мы видим образцового персонажа, выражающего интеллектуальное смирение и веру и говорящего: «Я не хочу полагаться на себя, но я полагаюсь на слово Божье». Каждое слово Бога. И говорит он потому, что ничего не должно отниматься, ничего не прибавляться, только слово Божие.

Итак, здесь мы можем иметь дело с более поздней фазой разработки книги Притчей, где очень мощное, но загадочное размышление, созданное Арго, возможно, для другого случая, было добавлено и включено в это собрание сборников, чтобы представить еще более зрелое размышление о ценности мудрости, дополненной божественным откровением от Бога через слово или слова Бога. Итак, здесь возможно то, что у нас есть тонкая интеграция литературы мудрости с остальной частью открытого слова Божьего в Священных Писаниях. Особенно Тора, пять книг Моисея, квинтэссенция слова Божьего, но, возможно, также и пророков, пророческие книги библейского канона, о которых интересно думать.

Я не говорил об этом раньше, но, например, во второй главе много говорится о Торе, учении, которое должен усвоить молодой человек. И именно это слово Тора также используется в древнем Израиле для обозначения пяти книг Моисея. Большинство людей уже давно полагают, что упомянутая здесь Тора – это всего лишь синоним, это не синоним и не обозначение Торы, пятикниг Моисея, а всего лишь способ описания учения Отца.

Оглядываясь назад на главу 30, а также основываясь на ряде других соображений, можно привести очень веские и убедительные аргументы в пользу того, что как во второй главе, ближе к началу книги, так и здесь, в главе 30, ближе к концу книги, ссылка, завуалированная ссылка, делается косвенная ссылка на то, что другие писания Израиля также важны. Помните, в начале серии лекций мы говорили, что поразительно, как мало другие религиозные аспекты древнего Израиля играют роль в книге Притчей, Экклезиасте, а также в книге Иова. Что ж, теперь у нас может быть небольшая поправка, которая предполагает, что, возможно, есть больше других аспектов духовности древнего Израиля, которые нам не хватало, которые на самом деле все еще существуют на заднем плане, что снова приблизило бы так называемую литературу мудрости к более высокому уровню. целостное понимание всех писаний древнего Израиля, где книги не являются столь же светскими или отделенными от других религиозных писаний и размышлений о своем веке.

Итак, мы здесь. Итак, это первоначальный ответ, в котором Агур теперь философски и богословски размышляет о влиянии того, что он только что узнал, посредством вопросов, на которые он не может ответить. А затем в стихах с 7 по 9 мы снова переходим к прямой молитве, где Агур теперь снова напрямую обращается к Богу.

Итак, молитвенное размышление продолжается теперь прямой, своеобразной молитвенной последовательностью в общей структуре этого диалога между Богом и Агуром. И в стихах с 7 по 9, которые я прочитал за один раз, он просит у Бога две вещи. Бог только что сказал ему, что тебе нужно положиться на меня.

Он только что сказал: да, Бог — щит для тех, кто ищет в Нем прибежища, и теперь он делает это. Теперь он находит прибежище в Боге. Вот как он это делает.

Я считаю, что то, как он это делает, прибегая к Богу, может на самом деле косвенно объяснить нам, с каким кризисом сталкивается Агур. Помните, ранее мы говорили о том факте, что он близок к концу своей жизни и просит об исцелении, или о внутренней силе, или о чем-то еще? Или это больше связано с тем, находится ли он в полноте жизни или в молодости, и он сталкивается с конкретным кризисом? Я думаю, что он переживает конкретный кризис, и сейчас я покажу, почему я так думаю. Две вещи я предлагаю вам.

Не откажи мне в них, прежде чем я умру сейчас. Прежде чем я умру, конечно, еще раз наводит на мысль, что он близок к смерти. Но я думаю, хотя это звучит так, я бы подумал, опять же, что это преувеличенное утверждение, подобное ранним.

Он сказал: «О, я ничего не знаю», а на самом деле он знал довольно много. Здесь, когда он сказал: «О, прежде чем я умру», он преувеличивает, чтобы как бы риторически повернуть руку Бога в своей молитве. Мне жаль меня, сделайте что-нибудь.

И тогда это первое, о чем он просит, удали подальше от меня фальшь и ложь. И тогда второе, о чем он просит, — не давай мне ни бедности, ни богатства. И тут третье, что он просит, вы знаете, что происходит, накормите меня той едой, которая мне нужна.

Итак, говорит он, я прошу у тебя две вещи, а он просит три. Я не знаю, почему он это делает. Один из способов объяснить это - сказать, что, когда он говорит, то есть первое, что явно отличается, удали подальше от меня ложь и ложь.

И тогда, по-видимому, вторая вещь — это выражение одного и того же дважды или что-то подобное. А именно, говорит, не давай мне ни бедности, ни богатства. Кормите меня только тем, что мне нужно, то есть ни бедностью, ни богатством.

Так что, возможно, хотя он и подает три обращения, но второе и третье обращения фактически просят об одном и том же. Итак, он просит о двух вещах, хотя делает это трижды. Хотя я только что сказал, что эти две вещи — это две разные вещи, я думаю, что они связаны.

Первое, о чем просит Агур, — это удалить от меня фальшь и ложь. Ложью и ложью могли быть либо другие люди, которые лгали Агуру и относились к нему каким-то образом ложно, предательски, либо что-то еще. Или это может означать, что Агур просит Бога помочь мне самому не поступать неправильно и лживо.

Далее говорится: дайте мне ровно столько, сколько мне нужно, но не меньше, чем мне нужно, и не слишком больше, чем мне нужно. А потом он объясняет, почему он об этом просит. И я думаю, нам нужно прочесть, почему он просит об этом в стихе 9, чтобы понять, как вторая просьба о достаточности, а не об избытке или нужде, связана с первой просьбой о лжи и лжи.

Потому что он говорит, если я этого не получу, если у меня будет слишком мало или слишком много, тогда он говорит, или я буду сыт и отрекусь от тебя и скажу: кто такой Господь? Или я стану бедным, украду и оскверню имя Бога моего. Так что же он здесь пытается сказать? Он имеет в виду, что если у него будет избыток материальных благ, он снова впадет в положение самостоятельности и спросит: «Кто такой Господь?» Что, кстати, тоже риторический вопрос. Ответ таков: Господь — ничто.

Мне не нужен Бог. Я могу сделать это самостоятельно. Это, конечно, именно та проблема, которую мы рассматривали ранее в его размышлениях.

Итак, он не хочет ситуации, когда у него будет так много материальных благ, что у него возникнет искушение пренебречь своими отношениями с Богом. И он пренебрежет надеждой на Бога, но будет полагаться на себя. И поэтому, я считаю, с религиозной точки зрения впадает во фальшь и ложь, ложь в смысле отрицания важности Бога в своей жизни.

С другой стороны, другая крайность, если бы он был беден, искушением для него была бы не гордость, а искушение быть настолько отчаянным, что оправдывало бы нарушение закона, совершение безнравственного поступка и воровство. И тем самым, говорит он, осквернить имя Бога моего. Между прочим, в любом случае это способы полагаться на свои силы.

И, я считаю, гордость. И поэтому я думаю, что мы имеем здесь то, что Агур действительно отвечает на урок, который он здесь усвоит, что он, конечно, является всем отражением, конечно, это его способ записи в поэтической форме, в поэтической медитации. , процесс, через который он прошел, вероятно, не просто за одну молитвенную последовательность в две минуты, как мы читаем здесь, но, возможно, в течение нескольких дней, недель, месяцев или даже лет, когда он боролся с проблемами гордость и уверенность в себе и справиться с тем, с чем он столкнулся. И поэтому я думаю, что сейчас я завершаю этот вступительный раздел, говоря, что кризис, с которым он столкнулся, был религиозным кризисом, основанным на потенциале гордости, возможно, того самого вида гордости, который мог возникнуть из-за эгоцентричного человека. чтение первых глав Книги Притчей.

И в этом размышлении он понял, что истинно мудрому человеку нужнее всего полагаться на Бога, а не на себя, свою мудрость и знание. Это подводит нас к приятному перерыву в самом тексте, и мы сделаем небольшой перерыв. Это доктор Кнут Хайм и его учение о Книге Притчей.

Это сеанс номер 17, глава 30 Притчей, стихи с 1 по 9, Введение в Агор.